

На правах рукописи



Скуридина Светлана Анатольевна

**ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОД ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

10.02.01. – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Воронеж – 2020

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Ковалев Геннадий Филиппович

Официальные оппоненты: **Васильева Наталия Владимировна**,
доктор филологических наук,
Институт языкознания РАН,
отдел теоретического
и прикладного языкознания,
главный научный сотрудник;
Климкова Людмила Алексеевна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский Нижегородский
государственный университет
им. Н.И. Лобачевского», Арзамасский филиал
ННГУ, кафедра русского языка и литературы,
профессор;
Королева Инна Александровна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный
университет», кафедра русского языка,
профессор.

Ведущая организация: **Институт языка, литературы и истории -**
обособленное подразделение Федерального
государственного бюджетного учреждения
науки Федерального исследовательского
центра «Карельский научный центр
Российской академии наук»
(ИЯЛИ КарНЦ РАН)

Защита состоится «22» декабря 2020 г. в 10-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.059.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина по адресу: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, ауд. № 301.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина по адресу: 399740, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28 и на сайте http://www.elsu.ru/nauka/dissovet3/6049-full_diss_03.html.

Автореферат разослан «___» _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета



Н.А. Трубицина

Общая характеристика работы

Имя собственное – это уникальный элемент художественного целого, без осознания значимости которого невозможно адекватное понимание текста. Анализ имен собственных в художественном тексте не является самоцелью: каждая ономастическая единица взаимосвязана с элементами других текстовых систем, исследование подобных координаций позволяет вскрывать неочевидные смыслы произведения.

Необходимость систематизации ономастических единиц в художественном тексте объясняется тем, что они не только участвуют в создании художественного образа, выявляя специфику поэтического языка автора, выступающего творцом-создателем нового мира, реалиям которого необходимо дать имена, но и активно работают, вступая в связи с апеллятивной лексикой, на всех текстовых уровнях.

Ономастические единицы, введенные автором в художественный текст, являются держателями и экспликаторами разного рода информации – автобиографической, историко-культурной, мифопоэтической, хронотопической и т.д., в связи с чем можно говорить об *ономастическом коде* творчества того или иного автора – особой системе ономастических единиц, с помощью которой может быть представлена автором и выявлена читателем знаковая для художественного текста комбинация смыслов. Имена собственные, представленные в разных комбинациях в художественных текстах, являются кумулятивными узлами авторского мировоззрения: оним, погруженный в новый контекст, расширяет свой семантический диапазон. Нельзя однозначно говорить о том, что автор нарочито создает семантически значимое имя, но, введенное в художественный текст, оно начинает участвовать в выстраивании таких важных для повествовательной структуры связей, как *имя и образ, имя и сюжет, имя и мотив, имя и жанр*, а с нашей точки зрения, к числу таких связей относятся *имя и автор, имя и творимый автором миф, имя и хронотоп*.

Важную роль в процессе выбора или создания имени собственного для персонажа играет авторское восприятие того или иного имени и связанный с ним ассоциативный ряд, при этом с семантикой и этимологией данного имени собственного автор может быть даже не знаком, но художественный талант подсказывает, какое имя подходит наилучшим образом для формирования определенных коннотаций.

Творческий поиск имени, как известно, находит отражение в черновых записях, заметках и дневниках. По верному наблюдению А. Ковач, «искусственное, “выисканное” по форме наименование в процессе

развертывания сюжета и текста приобретает такую строгую мотивированность, которая свидетельствует об обусловленности сочетания и применения знаков, составляющих фамилию героя, с точки зрения всех уровней повествовательного текста и рассказываемого мифа»¹ [Ковач 1993, с. 103].

Данная работа выполнена в русле литературной ономастики, разрабатываемой Воронежской ономастической школой, и посвящена одной из актуальных проблем современной лингвистики – исследованию ономастического кода художественных текстов. В настоящей диссертации данная проблема рассмотрена на базе основных произведений Ф.М. Достоевского.

Актуальность выбранной темы определяется:

- особым вниманием современного языкознания к роли ономастических единиц в русском художественном тексте;
- научным интересом к проблеме проявления автобиографизма на лингвистическом уровне, в том числе ономастическом;
- недостаточностью работ, направленных на выявление апеллятивно-онимной взаимосвязи в художественном тексте;
- неразработанностью проблемы способности онимов выступать маркерами мифопоэтического кода и хронотопа;
- несомненной значимостью изучения ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского для дальнейшего развития лингвистического анализа художественных произведений;
- отсутствием комплексного исследования ономастического кода художественных текстов Ф.М. Достоевского.

Объект исследования – имена собственные, входящие в ономастическое пространство художественных текстов Ф.М. Достоевского.

Предмет исследования – специфика выбора, создания и употребления имен собственных, определяющая ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: имена собственные в художественных текстах Ф.М. Достоевского являются семантически маркированными лексическими единицами (среди которых многие автобиографичны), организованными в систему, раскрывающую ономастический код и предъявляющую ономастический хронотоп.

Цель исследования – определение специфики ономастического кода художественных текстов Ф.М. Достоевского: выявление семантики и функций

¹Ковач А. Поприщин, Софи и Меджи (к семантической реконструкции «Записок сумасшедшего») // Гоголевский сборник. СПб., 1993. С. 103.

онимов, их роли в создании художественного образа, в формировании пространственно-временных отношений, в отражении мифопоэтического кода, в выстраивании структуры текста, а также анализ ономастических единиц с точки зрения автобиографизма.

Задачи, поставленные в работе:

- 1) выявление основного ономастического массива в творчестве Ф.М. Достоевского;
- 2) установление апеллятивно-онимной взаимосвязи в художественном тексте Ф.М. Достоевского;
- 3) выявление мифопоэтического кода ономастического пространства художественных текстов Ф.М. Достоевского;
- 4) определение специфики выражения ономастического хронотопа в творчестве Ф.М. Достоевского;
- 5) выявление автобиографических черт в ономастике произведений Ф.М. Достоевского.

Основными источниками материала являются художественные тексты Ф.М. Достоевского, **дополнительными источниками** – их рукописные редакции, деловая и личная переписка писателя, записные книжки и тетради, заметки Ф.М. Достоевского, сделанные на каторге, воспоминания второй жены и современников (в ходе работы проанализировано более 5000 онимов и их вариантов с различными контекстами, из которых выбраны наиболее значимые для понимания ономастического кода Ф.М. Достоевского).

Для решения поставленных в диссертационном исследовании задач использовались общенаучные и специальные лингвистические методы: *метод лингвистического наблюдения и описания* – при выделении ономастических единиц и их последовательном описании и классификации с точки зрения функционирования в художественном тексте Ф.М. Достоевского; *сравнительно-исторический метод* – при выявлении этимологии, особенностей словообразования и определении зачастую скрытой семантики литературных онимов; *текстологический анализ* – при уточнении роли имен собственных в художественном тексте; *контекстуальный анализ* – при определении зависимости семантики имен собственных от контекста художественного произведения; *гипотетико-дедуктивный метод* – при определении теоретических понятий *ономастическое пространство* художественного текста, *ономастический хронотоп*, *ономастический код*; *анализ культурно-исторического фона* – при выявлении культурной и исторической обусловленности ономастических единиц в художественном тексте.

Теоретико-методологической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов: *по теории ономастики* – П. Бицилли,

В.А. Никонова, В.Д. Бондалетова, А.В. Суперанской, А.К. Матвеева, Е.Л. Березович, Е.С. Отина, Г.Ф. Ковалева, И.А. Кюршуновой, W. Bright и др.; *по литературной ономастике* – В.Н. Михайлова, Э.Б. Магазаник, С.И. Зинина, Ю.А. Карпенко, М.В. Горбаневского, Г.Ф. Ковалева, Н.В. Васильевой, В.И. Супруна, А.А. Фомина, А.Ф. Рогалева, В.М. Калинкина, И.А. Королевой, V. Kohlheim и др.; *по восприятию имени собственного в историко-культурном контексте* – А.Б. Пеньковского, Е. Душечкиной, В.В. Мароши; *по ономастике в творчестве Ф.М. Достоевского* – А.Л. Бема, М.С. Альтмана, С.В. Белова, Вяч. Вс. Иванова, О.Г. Дилакторской, Е.А. Яблокова, Т.А. Касаткиной, Э. Кормана, Ф.Ш. Пашаевой и др.; *по творчеству Ф.М. Достоевского в целом* – Р.Г. Назирова, В.Е. Ветловской, Т.А. Касаткиной, И.Л. Волгина, В.Н. Захарова, Л.И. Сараскиной, К.А. Степаняна, Н.А. Тарасовой, Ф.В. Макаричева и др.

В данной работе не ставилась задача анализа всех произведений Ф.М. Достоевского, а взяты наиболее знаковые для выявления ономастического кода художественные тексты, а именно: первый роман «Бедные люди», повести «Село Степанчиково и его обитатели» и «Дядюшкин сон» как одни из первых произведений, написанных после пребывания писателя на каторге, и романы, обычно называемые «великим пятикнижием».

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые:

- рассматривается понятие ономастического кода художественного текста,
- определяется семантический потенциал ономастических единиц авторского наследия Ф.М. Достоевского;
- раскрывается системность ономастики художественных текстов Ф.М. Достоевского;
- обосновывается значимость мифопоэтических констант в ономастическом пространстве художественного наследия Ф.М. Достоевского;
- ономастикон художественных текстов Ф.М. Достоевского рассматривается как явление глубоко автобиографичное;
- устанавливается корреляция ономастикона художественных произведений Ф.М. Достоевского и создаваемого хронотопа.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно представляет ономастику художественных текстов Ф.М. Достоевского как мотивированную, функциональную целостную систему, взаимосвязанную с другими уровнями повествовательной структуры и имеющую выход за пределы художественного текста. Исследование ономастики Ф.М. Достоевского вносит вклад в дальнейшее развитие литературной ономастики, предложенная

концепция изучения ономастической лаборатории может быть перенесена на творчество других писателей.

Практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты могут быть использованы в вузовских курсах лингвистического анализа художественного текста, поэтики, а также стать основой спецкурса по литературной ономастике.

Степень научной разработанности проблемы. В настоящее время изучением роли имен собственных в художественном тексте занимается литературная ономастика, востребованность которой не вызывает сомнения в связи с привлечением ее данных для анализа художественного мира разных авторов как лингвистами, так и литературоведами. Важная роль на начальном этапе развития науки об именах собственных принадлежит не только ученым, но и критикам, писателям и журналистам, например, В.Г. Белинскому, Н.С. Лескову, О.И. Сенковскому. Несмотря на первоначальный интерес исследователей к этимологическому значению литературного имени, в ономастических работах середины прошлого века находят освещение такие проблемы, как отражение в антропониме сущностных характеристик литературного персонажа, стилистическое соответствие ономастических единиц, социальная обусловленность имени и т.д. Первостепенное значение в разработке проблематики новой для 50-60-х годов отрасли лингвистики имеют работы таких ученых, стоявших у истоков литературной ономастики, как В.Н. Михайлов, Р.П. Шагинян, Э.Б. Магазаник, а также более поздние работы Д.С. Лихачева, Н.В. Подольской, А.В. Суперанской, В.А. Никонова и т.д. Современные ономастические исследования художественного текста опираются на научные достижения Ю.А. Карпенко, М.В. Горбаневского, О.И. Фоняковой, Е.С. Отина, В.И. Супруна, Н.В. Васильевой, А.А. Фомина, И.А. Королевой, В.М. Калинкина и т.д.

Несмотря на то что терминологический словарь отечественной ономастики вышел достаточно давно, до сих пор существуют варианты употребления некоторых терминов: ученые-ономасты (или ученые-ономатологи) для позиционирования отрасли науки, занимающейся спецификой функционирования имен собственных в художественном тексте, используют разные термины: литературная ономастика, художественная ономастика, поэтонимология, поэтика онима и др. В связи с тем, что существует вариативность в названии науки, изучающей имена собственные в художественном произведении, наблюдается отсутствие устоявшегося термина для обозначения предмета исследования: литературный оним (антропоним,

топоним, зооним и т.п.), поэтоним², «имя-в-тексте»³ и др. Терминологический разлад обусловлен рядом причин, среди которых сравнительная «молодость» литературной ономастики, отсутствие регулярного взаимодействия между современными ономастическими школами в области терминографии и т.д.

Представители Воронежской ономастической школы во главе с Г.Ф. Ковалевым в качестве синонимических используют термины *литературная ономастика* и *ономастика художественного текста*, *ономастическая единица*, *литературный оним* и *имя собственное* (антропоним, топоним и т.д.).

Ономастические исследования, осуществляемые в рамках достоевковедения, касаются разных аспектов анализа имен собственных и представлены в основном работами известных современных литературоведов – Т.А. Касаткиной, И. Волгина, В.Н. Захарова, А.Е. Кунильского, Б.Н. Тихомирова, К.А. Баршта и др. Диссертационные исследования, посвященные ономастике в творчестве Ф.М. Достоевского, выполнены как с литературоведческих позиций (А.Т. Семенов [1996], М.В. Поник [2014], Ма Вэньин [2015]), так и в рамках лингвистики (Ф. Пашаева [1998], И.А. Маринина [Маринина], П.В. Козленко [2004], Т.А. Бондаренко [2006], С.А. Скуридина [2007]). Указанные диссертационные работы затрагивают проблему ономологии героев Ф.М. Достоевского в отдельных произведениях или освещают один из аспектов ономастикона писателя (обычно – антропонимию).

Положения, выносимые на защиту:

1. Ономастические единицы в художественных текстах Ф.М. Достоевского представляют систему, уровни которой тесно взаимосвязаны между собой.
2. Имена собственные и их варианты выступают в семантической парадигме с апеллятивной лексикой разных частей речи (*Смердящая – Смердяков – смердеть – смрад – тлетворный дух* [«Братья Карамазовы»]; *Скворешники – лететь – Лебядкина – гнездо – птенцы* [«Бесы»] и др.).
3. В творчестве Ф.М. Достоевского существует ономастический код – особая система ономастических единиц, с помощью которой представлена автором и может быть выявлена читателем знаковая для художественного текста комбинация смыслов, переданная через авторские онимы.

² Калинин В.М. Несколько предварительных замечаний к теории поэтонима // Матеріали вузівської наукової конференції професорсько-викладацького складу за підсумками науково-дослідницької роботи: Філологічні науки. Донецьк: ДонДУ, 1997. С. 114-116.

³ Николаева, Т.М. О «единстве ономастики» и/или о новой ветви «антропонимики» / Е.Г. Николаева // Вопросы языкознания. – 2009. – № 3. – С. 3–18.

4. В ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского имена собственные обладают семантическим потенциалом, отражающим авторское мировоззрение, в котором проявляется такой феномен, как ономастическое двойничество (*Лев Мышкин, Ставрогин (ставр и рог), Родион (Род-и-он) Раскольников*).
5. Способность имени собственного выступать средством, с одной стороны, воспроизведения мифопоэтической картины мира, с другой, средством вербализации авторского мифа является одним из основополагающих принципов создания ономастического кода художественных текстов Ф.М. Достоевского.
6. Выявление специфики ономастикона Ф.М. Достоевского с точки зрения автобиографизма способствует более целостному пониманию особенностей его художественного творчества и определению хронотопа его произведений.

Апробация работы. Результаты исследования отражены в докладах на следующих конференциях: IV Международном симпозиуме «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, 2012); Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 2015), Международной научно-практической конференции «Язык, этнос, культура» (Черкесск, 2015), Международной научной конференции «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» (Воронеж, 2018), XXXI Международных Старорусских чтениях «Достоевский и современность» (Великий Новгород, 2016), XIX Международных Апрельских юношеских чтениях «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века» (Великий Новгород, 2017), I Международной научно-практической конференции «Притяжение Севера: язык, литература, социум» (Петрозаводск, 2018), XXXIII Международных Старорусских чтениях «Достоевский и современность» (Великий Новгород, 2018), II Международной конференции «Русский язык, литература и культура: прошлое, настоящее и будущее» (Македония, 2019), V Международной научной конференции «Наука и мир в языковом пространстве» (Макеевка, 2019), V Международных очно-заочных ономастических чтениях памяти Е.С. Отина «Собственное имя в жизни и литературе» (Донецк, 2019), XII Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием «Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации» (Новокузнецк, 2019), XXXIV Международных Старорусских чтениях «Достоевский и современность» (Великий Новгород, 2019), IV Всероссийской научной конференции «Ярославский текст в пространстве диалога культур» (Ярославль, 2020), X Всероссийской научной конференции (с международным

участием) «Евангельский текст в русской словесности» (Петрозаводск, 2020), XVIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» (Кострома, 2020). По теме диссертации опубликованы 47 научных статей, из которых 18 в изданиях, рекомендованных перечнем ВАК РФ, и 2 монографии.

Структура диссертации. Диссертация объемом 392 страницы состоит из Введения, пяти глав, Заключения, Списка источников, словарей и научной литературы по теме исследования. Список использованной литературы включает 683 позиции.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** обосновывается выбор темы, актуальность и научная новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость, определяются цели и задачи исследования.

В **первой главе «Особенности ономастики русского художественного текста»** обосновывается важность анализа имен собственных, используемых в художественном тексте. В **первом параграфе** представлен процесс становления литературной ономастики как науки, указываются проблемы этой отрасли знания и пути их решения.

Обращение к феномену имени собственного отмечается уже в работах античных ученых. В эпоху средневековья и возрождения исследователи задаются вопросом: имеет ли имя собственное значение или является своеобразным ярлыком.

Для развития русской ономастики значимым событием стало появление в XIV–XVI веках азбуковников, а также составление «Толкования именам по алфавиту» Максимом Греком.

М.В. Ломоносов впервые в рамках отечественной науки ставит вопрос о функциях имени в художественном тексте и рассматривает имя собственное как тексто- и стилеобразующий фактор. Дальнейшее развитие ономастики представлено в работах Е. Болховитинова, А.Х. Востокова Ф.И. Буслаева, И.И. Срезневского, А.И. Соболевского.

Активное изучение литературной ономастики начинается в первой половине XX века, а к концу 50-х годов происходит становление литературной ономастики как науки.

Во **втором параграфе** рассматривается специфика терминологии литературной ономастики. Хотя терминология отечественной ономастики была представлена еще в 1978 году Н.В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии», включившим в себя около 700 дефиниций, до сих пор существуют варианты употребления многих терминов.

Имена собственные – *онимы* – в современном русском языке составляют систему, подчиняющуюся определенным закономерностям и обладающую определенным набором функций, непосредственно связанных как с лингвистическим, так и с экстралингвистическим статусом ономастических единиц, способных выступать, в том числе, идентификаторами хронотопа.

В настоящее время термин *ономастика* (др.-греч. *ὀνομαστική* ‘искусство давать имена’) представлен двумя значениями. Во-первых, это раздел современного языкознания, пользующийся своим разработанным терминологическим аппаратом для обозначения круга проблем и вопросов, имеющих уже сложившуюся историю изучения, а также располагающий собственными методами исследования. Ономастика – это наука об именах собственных всех типов, среди которых выделяют антропонимы (имена людей), зоонимы (клички животных), этнонимы (названия племен и народов), топонимы (названия стран, рек, гор, людских поселений), мифонимы (имена, встречающиеся в мифах) и др., изучающая имена собственные в диахроническом и синхроническом аспектах. Обращаясь к истории имени, ономастика рассматривает процесс его возникновения и трансформации в результате функционирования в языке, исследует факты заимствования имен собственных из иностранных языков, устанавливает закономерности, характерные для данной лексической категории. Во-вторых, *ономастика* (*онимия*) – это совокупность всех имен собственных.

Имя собственное, введенное в художественный текст, неидентично этому же имени, функционирующему в реальности: если до сих пор остается открытым вопрос о существовании лексического значения у реальных онимов (Е.М. Галкина-Федорук, Н.В. Подольская, А.А. Реформатский, А.В. Суперанская, В.А. Никонов, Л.М. Щетинин и др.), то его наличие у онимов в художественном произведении – явление бесспорное.

В настоящее время наблюдается отсутствие терминологического единообразия как в названии науки, изучающей имя собственное в художественном тексте, так и в ее терминологии. Наряду с названием *литературная ономастика* функционируют *литературно-художественная ономастика*, *художественная ономастика*, *стилистика ономастика*, *поэтика онима* (*поэтонимология*) (В.М. Калинин), *имя-в-тексте* (Т.М. Николаева). Терминологический разнобой обусловлен неопределенностью семантического потенциала имени собственного в художественном тексте – способности онимов к продуцированию новых смыслов в результате их взаимодействия как с внутритекстовыми, так и затекстовыми лингвистическими единицами.

В третьем параграфе представлена литературная ономастика как направление исследования современных ономастических школ: каждая ономастическая школа привносит в исследование ономастического пространства художественного текста свое понимание имени, рассматривая его в разных аспектах.

По мнению представителей Воронежской ономастической школы, основанной профессором Г.Ф. Ковалевым, для правильной интерпретации художественного текста необходим многосторонний подход к имени собственному, так как ономастическое пространство художественного текста определяется авторским, во многом автобиографическим, сознанием, системностью именника (как для каждого произведения, так и для всей ономастической лаборатории), социальными характеристиками и хронотопностью. Однако в ономастической лаборатории каждого автора сочетание указанных явлений крайне индивидуально.

Изучение специфики имени собственного в художественном тексте учениками Г.Ф. Ковалева ведется в рамках *литературной ономастики*, под которой понимается наука об особенностях функционирования имен собственных в художественном тексте, представленных разными разрядами (антропонимы, топонимы, хрононимы, этнонимы и т.д.). Для обозначения всех перечисленных разрядов имен собственных используется более общий термин – *литературный оним* – любое имя собственное в художественном тексте. Совокупность ономастических единиц (литературных онимов), используемых автором в конкретном произведении, представляет собой *ономастическое пространство художественного текста*. При исследовании корпуса имен собственных, характерных для текстов определенного писателя, можно говорить об ономастическом пространстве его художественного творчества. Совокупность приемов, используемых автором при создании имен собственных в художественных произведениях, называется *ономастической лабораторией*.

В четвертом параграфе рассматривается история обращения к ономастике Ф.М. Достоевского и отмечается, что в ономастической лаборатории писателя выбор (создание) имени – важный процесс, без которого не обходится акт творения героя, поэтому исследование художественного наследия писателя, как с лингвистических, так и с литературоведческих позиций, редко избегает обращения к созданной им ономастической системе. Исследование собственных имен в творчестве Ф.М. Достоевского, начатое А.Л. Бемом и П.А. Бицилли и продолженное М.С. Альтманом, ведется в настоящее время. В работах современных достоевковедов, посвященных разным аспектам творчества Ф.М. Достоевского (Т.А. Касаткиной, В.Н. Захарова, К.А. Баршта, И.Л. Волгина, Л.И. Сараскиной и др.),

затрагиваются такие ономастические вопросы, как отражение в антропониме сущностных характеристик литературного персонажа, стилистическое соответствие ономастических единиц, социальная обусловленность имени, соответствие имени персонажа и его прототипа, специфика заглавия и т.д.

Во **второй главе «Своеобразие ономастики произведений Ф.М. Достоевского»** указывается, что у Ф.М. Достоевского было пристрастие к маркированным онимам, особенно к онимам с определенной семантикой. Подобные имена персонажей кочуют из одного произведения в другое, являясь свидетельством постоянных размышлений писателя о важных проблемах истории и современности. Имена собственные в творческой лаборатории Ф.М. Достоевского образуют ономастический код, знание которого способствует более глубокому пониманию разных уровней художественного текста.

В **первом параграфе** на примере романа «Бедные люди» можно проследить истоки становления ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского, для которой характерно использование следующих приемов: семантическая и стилистическая маркированность онимов, зооморфная символика, раскрытие значения имени собственного в контексте, автобиографичность. Антропонимы романа «Бедные люди» не просто являются «говорящими», они гармонично вписываются в сюжетно-композиционную структуру романа, обеспечивая целостность восприятия изображаемых явлений, событий и характеров.

Другие особенности ономастического кода Ф.М. Достоевского формируются в процессе создания повести «Дядюшкин сон»: антропонимикон повести представляет собой систему, в центре которой находится топоним *Мордасов*, организующий знаковое пространство провинциального хронотопа повести; к зооморфной символической ономастике присоединяется орнитоморфная, вводятся экспрессивно окрашенные ономастические единицы.

В повести «Село Степанчиково и его обитатели» Ф.М. Достоевский использует прием, который впоследствии будет переходить из произведения в произведение, способствуя распознаванию авторского ономастического кода, – раскрытие семантики имени в персонажной речи, что, несомненно, связано с особым отношением к имени собственному самого писателя.

Семантический потенциал антропонимов главных героев «великого пятикнижия», представленных во **втором параграфе**, свидетельствует о сложившемся арсенале ономастических приемов создания образа главных героев произведения. Основопологающим для ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского является использование реально существующего имени или имени, созданного по традиционной модели, которое может дать богатый

ассоциативный ряд, в результате чего происходит углубление и обогащение художественного образа (Рогожин, Настасья Филипповна).

Фамилия *Раскольников* позволяет писателю создать образ человека с расколотым сознанием. Ф.М. Достоевский неоднократно повторяет семантически значимую часть фамилии *раскол-* в апеллятивах («из раскольников», «на расколоте блюдечке»), поселяя героя с расколотым сознанием в расколотый мир. Двойственность натуры Раскольникова подчеркивается личным именем: имя *Родион*, с одной стороны, заменяемое диминутивными формами *Родя*, *Роденька*, а также апеллятивным обращением *Родименький* вводит в текст романа идею связи героя со всем родом человеческим, а следовательно, с землей, являющейся для Ф.М. Достоевского, основой духовной жизни, с другой стороны, рифмуясь с именем *Наполеон* («Уж не Наполеон ли какой будущий и нашу Алену Ивановну на прошлой неделе топором уколошил? – брякнул вдруг из угла Заметов» [VI, 204]⁴), противопоставляет Раскольникова всему роду человеческому: *Род-и-он* (ср.: «Тварь ли я дрожащая или *право* имею...» [VI, 322]). Но для Ф.М. Достоевского связь Раскольникова со всем человеческим родом, а значит, с землей как родящим началом (ср. в романе «Бесы»: «...Богородица – великая мать сыра земля есть») незыблема, в связи с чем знаменательна оговорка в отчестве поручика Пороха, помещенная автором в конце романа «Преступление и наказание»: «Ну что: Раскольников. И неужели вы могли предположить, что я забыл! Вы уж, пожалуйста, меня не считайте за такого... Родион Ро... Ро... Родионыч, так, кажется?..» [VI, 407].

Двойственность человеческой натуры подчеркивается и оксюморонным антропонимом главного героя в романе «Идиот» – *Лев Мышкин*: *лев* – царь зверей и *мышь*, а точнее *мышка* – маленькое слабое, беззащитное животное, *Лев* – символ Христа, Божественной силы, *мышь* – хтоническое животное, упоминание которого в творчестве Ф.М. Достоевского всегда сопровождается отрицательными коннотациями (ср.: в «Записках из подполья» *мышь*, «обиженная, прибитая и осмеянная», погруженная «в холодную, ядовитую и, главное, вековечную злость» [V, 104] – это символ «подпольного» сознания героя, в «Преступлении и наказании» скребущаяся *мышь* – предвестник смерти Свидригайлова [VI, 389], в «Бесах» *мышь* – средство совершения богохульства [X, 253]). Диминутивный суффикс *-к-* в производящей основе фамилии способствует, с одной стороны, усилению антитетичной семантики в зооморфной паре *лев – мышь*, с другой, указывает на преобладание в образе

⁴Здесь и далее ссылки на том Полн. собр. соч. Ф.М.Достоевского в 30 тт. – римскими цифрами, страницы – арабскими.

«львиного» начала: духовно герой – это лев, но сила и могущество заключены в оболочку маленького существа – мышки.

Однако зооморфная символика фамилии героя романа «Идиот», как мы полагаем, может быть прочитана с углублением семантики лексемы *мышка*: *мышь* = *мышца*⁵. Во времена Ф.М. Достоевского уже использовался медицинский термин *сердечная мышца*: «поражения сердечной мышцы»; «заболевания сердечной мышцы», «проращение жиром сердечной мышцы», «напряжение сердечных мышц» и т.д.⁶ По современным Ф.М. Достоевскому представлениям, а также в народно-поэтическом мировоззрении, сердце – этоместилище души. Сердце «есть представитель любви, воли, страсти, нравственного, духовного начала, противоположно умственному, разуму, мозгу; всякое внутреннее чувство сказывается в сердце»⁷. Если фамилия *Мышкин* происходит от лексемы *мышка* в значении ‘мышца’ и ассоциативно связана с сердцем, то *Лев Николаевич Мышкин* – это тот, у кого Христос и Николай в сердце.

Полагаем, что ономастическим импульсом для Ф.М. Достоевского при выборе фамилии герою романа «Идиот» стал топоним *Мышкинский уезд* (XIX в., Ярославская губ.), упоминаемый писателем в записной тетради №4 к роману «Идиот» [IX, 392], однако основополагающим для ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского является использование реально существующего имени, обладающего богатым семантическим потенциалом, в результате чего происходит углубление и обогащение художественного образа.

Ономастическим импульсом при выборе фамилии герою романа «Бесы» стала фамилия родственников Ф.М. Достоевского, участвовавших в тяжбе за наследство А.Ф. Куманиной, – *Ставровские* [XXX (I), 120]. Кроме того, в период заключения в омском остроге Ф.М. Достоевскому, очевидно, стал известен топоним *Ставрово*, поскольку большинство заключенных из Москвы проходили по Владимирскому тракту, не минуя село с этим названием (первоначально *Крестово*, но впоследствии переименовано помещицей в *Ставрово*).

Семантический потенциал фамилии *Ставрогин* (от др.-греч. σταυρος ‘крест’) определяется не только возможностью обозначения хронологических рамок развертывания романного действия («Действие романа в *сентябре*» (курсив Ф.М. Достоевского) [XI, 94], а праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, который в народе называют Ставров день,

⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. СПб.: Терра – Азбука, 1996. С. 27.

⁶ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXIXа С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1890-1907. С. 657-666.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 4. М.: Терра, 1995. С. 174.

приходится на 14 сентября), но и расширить границы пространства и времени созданного произведения, вписав события, произошедшие в уездном городе Т. и родовом гнезде Скворешники во вселенский хронотоп, ведь крест выступает в православии заместителем языческого Древа жизни, то есть символом мироздания, Космоса.

Одним из принципов создания ономастического кода Ф.М. Достоевского является принцип апеллятивно-онимного взаимодействия, что позволяет рассматривать личное имя Ставрогина *Николай* в соотнесении с именем *Николай Чудотворец*: размышляя о Ставрогине, Лебядкин замечает: «Правда, с таким чудотворцем всё сдееется; для зла людям живет...» [X, 214].

Отчество Николая Ставрогина – *Всеволодович* – восходит к др.-русск. вьсь ‘весь’ и *волод-*: *володѣти* ‘владеть’. Таким образом, Николай Всеволодович Ставрогин – сын владеющего Вселенной, остается определить, кому она принадлежит. Ассоциативно отчество *Всеволодович* связано со словосочетанием *Владыка небесный* – Господь, но Николай Ставрогин – не Христос, он *Премудрый змий, филин, кровопийца, зверь*, и значит, отец его – Всеволод – сатана. «Звериная» сущность Ставрогина подтверждается ассоциацией, вызываемой его отчеством: Буй-тур Всеволод.

В романе «Подросток» фамилия *Долгорукий* становится поводом для создания каламбуров. Как и для многих героев Ф.М. Достоевского, для Аркадия важно понимать, кто он по имени, как его отчество и фамилия, ведь имя не только определяет социальный статус, но и способствует самоидентификации. Ошибки, допускаемые при назывании фамилии и отчества Аркадия (*Dolgorowky, Коровкин* [XIII, 344]; *Аркадий Макарович*) [XIII, 34], – это, несомненно, намек на его происхождение, но в глобальном плане – это указание на разрушение семейных устоев, когда одновременное наличие двух отцов – фактического и формального – приводят к ощущению бесфамильности, безродности, к невозможности определения личностных границ: «Мы – даже и не братья с тобой, а незаконнорожденные какие-то, без фамилии, дети дворового» [XIII, 237]. Наличие двух отцов – один из показателей двойственности образа Аркадия Долгорукого.

Автобиографическим ономастическим импульсом для создания фамилии *Карамазовы*, полагаем, стало прозвище барона Врангеля, известное в Семипалатинске, – *Карасакаль* («черная борода или, вѣрнѣе, черные бакенбарды»⁸, а также записанный на каторге адъектив *черномазый*⁹. Семантика фамилии *Карамазовы* раскрывается в романе, что является одной из главных

⁸ Врангель А. Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири 1854-1856 гг. СПб, 1912. С. 58.

⁹ Достоевский Ф.М. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь). Красноярск, 1985. С. 31.

особенностей ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского: «Ну, Карамазов или как там, а я всегда Черномазов» [XIV, 184]. Фамилия *Карамазов* обладает развернутой семантикой благодаря ассоциативному потенциалу входящих в ее состав основ. Несмотря на то что вошедший в состав фамилии корень *кара-*, разумеется, татарский, образы главных героев нельзя рассматривать вне значения русского слова *кара* (казнь, наказание, строгое взыскание)¹⁰, которое воспринимается в рамках фразеологизмов *кара Господня* и *кара Божеская* (наказание).

Выстраиваемый семантический ряд *Карамазов – Черномазов – ‘мазанный черным’ – помазанник дьявола* (по аналогии с помазанником Божьим), кажется, не оставляет читателю надежды, ведь трое сыновей носят фамилию *Карамазов*, а побочный сын назван *Смердяковым*: *μωροσσω* ‘делать черным, покрывать сажей, копотью’¹¹. Но не стоит забывать, что в финале нет ни Смердякова, ни отца Карамазова, а только три брата Карамазовых, судьба которых сложится по-разному, но это уже будущее России, о котором Ф.М. Достоевский предлагает задуматься читателям.

В третьей главе «**Мифопоэтические константы в ономастике Ф.М. Достоевского**» имя собственное в художественном тексте рассматривается, с одной стороны, как средство воспроизведения мифопоэтической картины мира, с другой – как средство вербализации авторского мифа.

В *первом параграфе* отмечается, что мифологические имена и мифологические мотивы могут осознанно (с целью реконструкции мифологического сюжета) или бессознательно вводиться писателем в повествование, при этом в результате взаимодействия мифологем с разноуровневыми элементами художественного текста может происходить трансформация известного мифа и расширение его семантического поля.

Особую группу при данном подходе составляют ономастические единицы, использующиеся для создания историко-культурного фона и мифопоэтического кода произведения и обозначающие так называемые «блуждающие образы» и мифологемы: *Христос, Дон Кихот, Петрушка* и т.д. Данные образы входят в творчество писателей, в том числе Ф.М. Достоевского, в виде устойчивых типов, что проявляется в использовании в подготовительных материалах, черновиках, переписке в качестве именованных лексем, обозначающих устойчивые типы: *Учитель, Воспитанница, Красавица, Студент, Дон Кихот, Дон Жуан, Гера, Миньона, Чаадаев* и т.д. В данной системе номинации персонажа по архетипу, им воспроизводимому в

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 2. М.: Терра, 1995. С. 89.

¹¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 СПб.: Терра – Азбука, 1996. С. 691.

мифологеме, слышится отголосок древнерусской антропонимической модели – наречение именем с прозрачной основой (*Добрыня, Нелюба, Малюта* и т.д.), утраченной вследствие принятия христианства и усвоения греческого ономастикона. Таким образом, имя собственное благодаря своему пространственно-временному потенциалу может быть рассмотрено как способ погружения читателя как в историко-культурный, так и в мифологический континуум, а *мифопоэтические константы в ономастике* – это постоянные модели формирования ономастических единиц, участвующих в создании именной парадигмы в художественном тексте, которая является средством вербализации авторской модели мира.

Мифопоэтические константы в произведениях Ф.М. Достоевского, проявившись в начале его творческого пути, являются определяющими на всём его протяжении. Обращаясь к мифопоэтическому плану творчества Ф.М. Достоевского, в первую очередь, нужно отметить тяготение писателя к таким оппозиционным константам, как *верх – низ*. Для писателя *верх* (небо) и *низ* (Мать-сыра-земля) – это не просто пространственные координаты, это нравственно-философские полюса, определяющие человеческое бытие.

Во *втором параграфе* рассматривается ономастикон произведений Ф.М. Достоевского во взаимосвязи с мифопоэтической константой Мать-сыра-земля. В романе «Братья Карамазовы» имя старшего сына на уровне мифа связано с землёй: *Дмитрий* из греч. *Δημήτριος* ‘относящийся к Деметре – богине земледелия и плодородия’¹². По одному из мифов, она стала нянькой Триптолема (вариант: Демофонта), подарила ему колос пшеницы, научила возделывать землю и велела обучить этому людей. Полагаем, что фамилия Дмитрия связана с землёй посредством семантического элемента *чёрный* (ср.: *чернозем*): *Карамазов – Черномазов – измазанный чёрным* (землёй?). Этимология имени предопределяет связь Дмитрия Карамазова с Грушенькой, умышленно нареченной автором именем с «растительной» семантикой, в котором также прослеживается связь с Матерью-сырой-землей. Вера Грушеньки в исцеляющую и воскрешающую силу земли звучит в ее обращении к Мите: «...мы пойдем с тобою лучше землю пахать. Я землю вот этими руками скрести хочу. Трудиться надо, слышишь? Алеша приказал» [XIV, 399].

Нравственное очищение и перерождение человека, сумевшего понять, что для него значит Мать-сыра-земля, возможно при жизни человека. В статье «Земля и дети», вышедшей в июле-августе 1876 года в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский пишет о чудодейственной силе земли: «В земле, в почве есть

¹² Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. С. 169.

нечто сакраментальное, если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей поделайте людей, то наделите их землю – и достигнете цели» [XXIII, с. 98].

Мифопоэтические оппозиции *живой – мертвый, свой – чужой* реализуются в творчестве Ф.М. Достоевского путем введения «каменных» имен, анализируемых в *третьем параграфе*. В романе «Бесы» знакомство с *Петром Степановичем* Верховенским (*Петр Степанович* – ‘каменный венец, венок’: *Петр* – из греч. *Πέτρος* – ‘камень’; Степан – из греч. *Στέφανος*: ‘венчик, венец, корона, диадема’¹³ [Суперанская 1998, с. 302]) для многих заканчивается «каменным венцом», то есть могилой: погибают брат и сестра Лебядкины, совершает самоубийство Кириллов, убивают Шатова и т.д. Интересно, что значение трехчастного антропонима данного героя перекликается с мотивом камня как нависшей угрозы: в фамилии скрыт апеллятив *верх*. Именно о камне, нависшем над человеком, рассказывает Кириллов хроникеру. Как нависшая угроза может быть охарактеризована возможность соединения Дуни Раскольниковой с *Петром Петровичем* Лужиным, мечтающим, что из-за своей бедности «такое-то существо будет рабски благодарно ему всю жизнь за его подвиг и благоговейно уничтожится перед ним, а он-то будет безгранично и всецело владычествовать» [VI, 235]. В романе «Преступление и наказание» *Петр Петрович Лужин*, антропоним которого читается как «*камни в луже*», становится олицетворением Петербурга, заложенного на болоте.

Имя-отчество Ставрогиной – *Варвара Петровна* – также связано с мотивом камня. Имя *Варвара* – ‘чужеземная’ соотносится со словом *варвар* (др.-греч. *βάρβαρος* ‘чужеземец’), которому синонимично слово *дикий*. Так двучастный антропоним *Варвара Петровна* может быть истолкован как ‘дикий камень’ – «дикарь, валун, булыжник, гранит; местами песчаник, известняк» – камень, легко поддающийся обработке, непрочный и ломкий. В романе Варвара Петровна предстает довольно властной женщиной, желающей подчинить себе не только близких, но и всех жителей Скворечников, но в то же время она подвержена влиянию времени, достаточно легко меняет свои взгляды в соответствии с модными тенденциями, за которыми следит Степан Петрович Верховенский.

Камень, казалось бы, являющийся атрибутом земли, у Ф.М. Достоевского включен в мифопоэтическую оппозицию *живой – мертвый*: жива Мать-сыра земля, способная породить и переродить, камень мертв, соответственно, герой, получивший каменное имя, отчество или фамилию, связанный с каменным Петербургом, духовно мертв. Каменные имена носят герои, не

¹³ Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. С. 302.

способные измениться, герои с окаменевшей душой: они находятся в рамках социальных норм, не совершают преступлений, подобно Раскольникову, и даже не помышляют о них, подобно Мите Карамазову, но при этом противопоставляются Ф.М. Достоевским героям с истинными человеческими ценностями, таким образом включаясь в мифопоэтическую оппозицию *свой – чужой*. И только камень, получивший имя – *Илюшин* камень, может стать символом единения и воскрешения.

В *четвертом параграфе* рассматривается еще одна основополагающая мифопоэтическая константа творчества Ф.М. Достоевского – *небо*. Вертикаль *небо – земля (верх – низ)* выстраивается Ф.М. Достоевским уже в романе «Бедные люди», где олицетворением неба являются «птицы небесные», а земля связана с образом сапог.

Под фамилией *Верховенский* выступают в романе два героя – отец и сын: Степан Трофимович и Пётр Степанович. История создания их фамилии раскрывается Ф.М. Достоевским в черновых записях к роману «Бесы»: «Гр<ановск>ий во весь роман постоянно пикируется с сыном верховенством» [XI, с. 89]. Имя отца *Степан*, содержащее намёк на атрибуты какого-либо верховного правителя (см. выше), семантически коррелирует с фамилией, производящая основа которой непосредственно указывает на преимущество героя относительно других на вертикальной оси. Показательно в этом отношении и отчество *Трофимович*: *Трофим* из греч. *Τρόφιμος* ‘кормилец, питающий’¹⁴, отсылающее нас к образу царя – кормильца народа: «Благочестивый царь – кормилец народа. Царь – помазанник Божий, посвященный на царство Самим Господом (Еккл.10, 20–24). Но истинным кормильцем в христианстве является Всевышний. Трижды повторенная с наращением смысла информация, заключённая в антропониме Верховенского-старшего (*верховенство* – власть, владычество, *Στέφανος* – корона как атрибут власти, *Τρόφιμος* – указание на функции властителя), не может быть случайностью, так как для ономастикона Ф.М. Достоевского даже сказанное дважды является знаковым, а троекратное повторение, тем более, нельзя оставлять без внимания. Богоборческие стремления, отражённые в фамилии *Верховенский*, подтверждаются текстом романа, в котором упоминаются опалённые орлиные крылья Степана Трофимовича, вынужденного осесть в чужом гнезде, не соответствующем размером и внешним видом орлиному, – в Скворешниках. Соотнесение героя романа с орлом, царём птиц, парящим в вышине, поддерживается значением фамилии *Верховенский*.

¹⁴ Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. С. 313.

Появление у Степана Трофимовича истинных жизненных целей связано с именем Софьи Матвеевны: это же «мудрость, дарованная Богом» (*Софья, София*: σοφία ‘мудрость, разумность, наука’, *Матвей* – ‘дар Бога’¹⁵). Фамилия книгоноши *Улитина* – контекстуальный антоним фамилии *Верховенский*, возникающий на уровне мифопоэтических оппозиций *низ – верх, земля – небо*: *Улитина* из *улиты*, *улитка* – животное из отдела слизней¹⁶. Интересно, что в XIX веке винтовую лестницу называли *лестница улиткою, витушка*¹⁷: в данном контексте в фамилии Софьи Матвеевны заключается философский смысл постепенного восхождения к небу (в отличие от стремительного полёта Степана Трофимовича), с возможным возвращением назад. Размеренное перемещение улиты отражено в пословице *Улитка едет, когда-то будет*¹⁸.

Выявление семантики фамилии *Верховенский* происходит в результате апеллятивно-онимного взаимодействия: первый раз – в связи с объяснением жизненных ценностей Степана Трофимовича («Mais, ma bonne amie, положим, я ошибусь, но ведь имею же я мое всечеловеческое, всегдашнее, *верховное* право свободной совести?» – спрашивает в начале романа Степан Трофимович Варвару Петровну [X, 51]) (курсив наш – С.С.), второй – в связи с намерениями Петра Степановича («Это когда вы захватите *верховную* власть и покорите Россию?» – вскрывая смысл фамилии *Верховенский*, задаёт вопрос Шатов» [X, 294]) (курсив наш – С.С.).

«Вертикальная» устремлённость фамилии героев – способ акцентирования внимания на метонимической замене хронотопных полюсов *верха* и *низа*. Степан Трофимович Верховенский только перед смертью поймёт, что та вершина, на которую он окрылённо стремился всю свою жизнь, чтобы верховенствовать, верховодить, на самом деле является низом, преисподней, ведь небо – это место обитания Творца, поэтому стремительно подняться вверх – это покуситься на святое (ср.: христианский миф о строительстве Вавилонской башни). Небо обещано только тем героям Ф.М. Достоевского, которым для нравственного очищения дала свои благодатные силы Мать-сыра-земля. Так, оппозиция *верх (небо) – низ (земля)*, отразившаяся в ономастиконе, способствуя более глубокому пониманию идейно-художественного замысла писателя, выступает в роли вертикальных координат художественных текстов Ф.М. Достоевского.

Пятый параграф представлен анализом орнитоморфных наименований. В творчестве Ф.М. Достоевского встречаются как зооморфные, так и

¹⁵ Там же, 426, 232

¹⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 4. М.: Терра, 1995. С. 458.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

орнитоморфные онимы, однако к зооморфным номинациям мы обращаемся по ходу исследования определенных произведений («Бедные люди», «Братья Карамазовы») без выделения их в отдельный раздел.

В повести «Село Степанчиково и его обитатели» в рассказах Ростанева ожидаемый им господин Коровкин предстает как всемогущий вершитель судеб, способный избавить всех от Фомы Фомича, но внимательный читатель должен обратить внимание не только на диминутивный суффикс фамилии *-к-*, но и на лексему *корова* (самка быка), ставшую производящей основой для фамилии предполагаемого избавителя, которые в совокупности используются Ф.М. Достоевским для снижения образа, окончательно произошедшего в сцене первого появления Коровкина в пьяном виде. Целостность образа *Коровкина* завершает авторская ремарка об истасканном фраке, который был в «пуху и сене» [III, 156]. В последующих произведениях идея единства человеческого и звериного начала будет развиваться Ф.М. Достоевским, выразившись в романе «Братья Карамазовы» в виде образа города Скотопригоньевска, ставшего символом вселенского скотоподобия.

Роман «Идиот» изобилует «птичьими» фамилиями, например, симптоматично, что в одном предложении встречается сразу три персонажа, фамилии которых образованы от названий птиц: «Лебедев, Птицын, генерал Иволгин бросились подавать стулья девицам» [VIII, 201].

«Птичьими» фамилиями, наиболее распространенными, по свидетельству П.М. Бицилли, в русской ономастике, Ф.М. Достоевский наделяет героев-шутов, многие из которых, например штабс-капитан Снегирев, капитан Лебядкин, генерал Иволгин, надевая маски, заменяют «птичьи фамилии» выдуманными сценическими именами: Лебедев ощущает себя *Талейраном*, Снегирев уничижительно именуется *Словоерсовым*, Игнат Лебядкин хотел бы носить имя *Эрнест* и быть князем *де Монбаром*.

Специфика фамилий «великого пятикнижия» заключается в органичности включения птичьих фамилий в орнитоморфную символику романов: персонажи сравниваются с птицами, ведут себя, как птицы, живут в родовом гнезде, наделяются птичьими чертами, называются птенцами.

Наиболее важной функцией орнитоморфных онимов в романах Ф.М. Достоевского, является текстообразующая – формирование лейтмотивов, которые объединяют текст в единое целое благодаря возникновению параллелей с известными мифологическими сюжетами и ситуациями, что способствует выведению произведений «великого пятикнижия» на более высокий уровень культурно-семантического пространства. Аллюзивный фон «птичьих» фамилий становится дополнительным средством реализации мотивов и идей произведений Ф.М. Достоевского (например, идеи всеобщего

бесовства в романе «Бесы») в связи с достаточно легкой «прочитываемостью» данных антропонимов, образованных от апеллятивов, ставших символами как в библейской, так и в славянской народной традиции, а также в мировой культуре. Орнитоморфные фамилии представлялись писателем как синкретические, включающие как мифопоэтические, так и библейские константы, становясь в творческой мастерской аллюзивно емкими и предельно соотносимыми с образами героев. Думается, что при создании «птичьих» фамилий не последнюю роль в ономастической лаборатории писателя играла мысль Иоанна Богослова: «...пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице» (Откр. 18:2).

Скворешники – орнитоморфный топоним, вызывающий в сознании читателя разнообразные ассоциации, что позволяет раздвинуть границы топографического значения данной лексемы.

Скворец – обитатель скворечника – птица особенная: его песня носит подражательный характер. Скворцы считаются великолепными пересмешниками, а факт обучаемости скворцов человеческой речи, подобно попугаям, был известен Ф.М. Достоевскому: о говорящем скворце упоминается в повести «Ползунков» («Я домой со всех ног: «Пропали мы, бабушка!» – взвыла она, сердечная; а тут, смотрим, бежит казачок от Федосея Николаича, с запиской и с клеткой, а в клетке скворец сидит; это я ей от избытка чувств скворца подарил говорящего» [II, 15]). Для Ф.М. Достоевского скворец является олицетворением человеческой ведомости, легкой внушаемости и бестолкового подражания: «Учат, батюшка, на старости лет, как скворца», – печально отвечал Гаврила в повести «Село Степанчиково и его обитатели» [III, 31]. Возможность обучения скворцов подражать разным звукам отражена в поговорке *скворечьим напевом петь* ‘подделываться, поддакивать’¹⁹. Легковнушаемы и легкообучаемы обитатели Скворешников: все новомодные столичные веяния перенимаются здесь без выяснения их истинного смысла.

Как известно, скворцы любят жить высоко, для чего выбирают в качестве гнезда дупло большого дерева или домик, сколоченный человеком. Как мы уже указывали, во многих романах герои Ф.М. Достоевского обитают в тесных помещениях, расположенных высоко над землей, что является негативным знаком трансформации сознания.

Скворешники – это не что иное, как бесовское гнездо. В подтверждение этого лексема *гнездо* употребляется в романе неоднократно: например о Шатове говорится, что он «с год тому назад вернулся к нам в родное гнездо и

¹⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 4. М.: Терра, 1995. С. 195.

поселился со старухой теткой, которую и схоронил через месяц» [X, 27], о «наших» Петр Верховенский сообщает Ставрогину: «Они так и ждут, разиня рты, как галчаты в гнезде, какого мы им привезли гостинцу?» [X, 177], и далее: «Если хотите какого-нибудь результата – не шевелите их еще шесть дней, и я вам их в один узел свяжу; а пошевелите раньше – гнездо разлетится...» [X, 277]. Птенцами в романе называются и Николай Ставрогин («хорошо было, что птенца и наставника, хоть и поздно, а развели в разные стороны»), и Петр Верховенский («Птенца еще с самого начала переслали в Россию, где он и воспитывался всё время на руках каких-то отдаленных теток, где-то в глуши») [X, 35, 11]. С образами обоих «птенцов» вводится в текст романа мотив подмены – место родного сына, отправленного к тетке, занимает воспитанник, а также снова возникает «птичий» мотив: Степан Трофимович Верховенский соотносится с мифопоэтическим образом кукушки, не принимающей участия в высиживании и вскармливании своего потомства, а Петр Степанович – с образом птенца-подкидыша.

Отсутствие тишины имеет непосредственную связь с выбранным топонимом: как известно, скворцы прилетают многочисленными стаями, а их одновременный прилет сопровождается гвалтом.

Знаменательно, что емкий топоним поддерживается и на антропонимическом уровне: в романе «Бесы» немало персонажей с «птичьими» фамилиями – *Лебядкин*, *Дроздов*, *Гаганов*. Герои, получившие подобные фамилии, наделяются признаками в соответствии с той семантикой, которую несет апеллатив, ставший производящей основой для антропонима: например, у Марьи Тимофеевны Лебядкиной «длинная и сухая шея» [X, 215].

Орнитоморфная семантика топонима *Скворешники*, поддерживаемая в романе не только многократным использованием лексемы *лететь* в отношении практически всех персонажей, но и «птичьими» фамилиями, помогает отразить противоестественность происходящего в романе, события которого начинаются с сентября, а осень – это период отлета птиц из России в теплые края. Осенняя миграция скворцов начинается в первой половине сентября – начале октября, а герои романа, наоборот, «слетаются» в окрестности родового гнезда Ставрогиных. Неверный ход событий отражает неестественность происходящего в романе. Как видим, топоним *Скворешники*, удачно выбранный Ф.М. Достоевским для имения Ставрогиных, становится обозначением хронотопа – это вземное и вневременное пространство, где царит постоянный шум, возникающий от перемещения «летающих» героев. Это пространство бесов – вземных существ, способных перевоплощаться и в зверей, и в птиц.

В четвертой главе «Имя собственное в художественном творчестве Ф.М. Достоевского как хронотоп» рассматривается проблема воплощения пространственно-временного континуума в ономастической лексике разных уровней.

В *первом параграфе* рассматривается история исследования пространства, времени и хронотопа применительно к художественным текстам и указывается, что проблема экспликации пространственно-временного континуума в имени собственном является не разработанной, хотя за ономастическими единицами, относимыми к историко-культурному фону, признается способность отражения хронотопа, обусловленная их известностью читателям: например, имя первого российского императора Петра Великого в художественных текстах может указывать не только на хронотоп петровской России, охваченной преобразованиями, но и на хронотоп Петербурга (хронотоп каменного города). Хронотоп – модель мира, воссозданного в тексте художником слова и детерминированная его, авторским, мировоззрением, соответственно, хронотоп является неотъемлемым компонентом построения индивидуально-авторской картины мира, понимание которой всецело зависит от выявления смысловых доминант. Роль смысловых доминант хронотопа нередко играют имена собственные, введенные в художественные текст.

В репрезентации хронотопа в художественном тексте, на наш взгляд, чаще всего задействованы топонимы (например, Вавилон, Капернаум и т.д.), антропонимы (Наполеон, Петр I, Илья Муромец и т.д.) и хрононимы (Великий пост, Рождество Христово, Пасха и т.д.), однако нельзя преуменьшать роль ономастических единиц других разрядов. К примеру, такие урбанонимы, как ресторан «Палкин» («Старопалкин», «Новопалкин»), ресторан «Доминик», в котором ужинал и даже учился играть в бильярд Ф.М. Достоевский, по свидетельству А. Ризенкампа²⁰, отдав за это последние сто рублей, участвуют в создании хронотопа дореволюционного Петербурга.

Применительно к текстам большинства русских писателей, в том числе и Ф.М. Достоевского можно говорить о таком явлении, как *ономастический хронотоп* – единство времени-пространства, выражаемое именем собственным или системой имен собственных в творчестве автора.

В творчестве Ф.М. Достоевского хронотопично любое топонимическое название в связи с тем, что жизнь писателя – это постоянное передвижение: путь по этапу в Омский острог, бегство от кредиторов, поездки, необходимые для поддержания собственного здоровья и домочадцев. Таким образом,

²⁰ Ризенкампф А.Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском <Воспоминания о Ф.М. Достоевском в записях и пересказе О.Ф. Миллера> // Достоевский в воспоминаниях современников в 2-х тт. М.: «Художественная литература», 1990. С. 176-191.

выделяемый отдельно в текстах Ф.М. Достоевского хронотоп дороги является автобиографичным. В результате частых перемещений в сознании писателя четко определяются понятия столичный хронотоп с его ономастическими маркерами (*Петербург*, названия мостов, улиц и переулков) и провинциальный хронотоп, выражаемый вымышленными или реальными, но зашифрованными топонимами (*Мордасов*, *Скворешники*, город *Т.*).

Многие антропонимы действующих лиц способствуют созданию хронотопа: по-гоголевски провинциальны и максимально прозрачны фамилии мордасовских помещиков и их слуг, имя *Петр* (в том числе и в отчестве) указывает читателю на связь со столичным хронотопом и т.д. Антропонимы персонажей (*Верховенский*, *Ставрогин* и т.д.) участвуют в расширении границ хронотопа до вселенских масштабов.

Во *втором параграфе* отмечается, что в художественном мире Ф.М. Достоевского время – это главная категория человеческого бытия, что выражается в обязательном указании не только даты какого-то события, но и часа или даже минуты (например, название одной из глав романа «Братья Карамазовы» – «Такая минутка» [XIV, 305], а также в стремлении представить читателям хроники. Подготовительные материалы романа «Бесы» содержат подзаголовки «Хронология» [XI, 94].

Отчество хроникера «Бесов» *Лаврентьевич*, по замыслу автора, несомненно, должно было напомнить русскому образованному читателю о *Лаврентьевском* списке «Повести временных лет», являющейся цельной, литературно изложенной историей Руси. У имени *Антон* также есть своя «литературная» история: Антоний Спасоярославский, иеромонах, современник Ивана III, составил «Житие с чудесы Св. благовернаго кн. Федора Ростиславича Чернаго, чудотворца смоленскаго и ярославскаго», Антоний Подольский – монах западно-русский, живший в Москве при царе Михаиле Федоровиче и оставивший несколько сочинений, отчасти известных по рукописям, отчасти изданных, среди которых и предисловие к Русскому хронографу 1512 года.

Антропоним хроникера, несущий идею преемственности, имеет глубокий смысл: история провинциального города, написанная «литературным сыном» монаха Лаврентия, тезкой монахов Антония Спасоярославского и Антония Подольского, приобретает глобальный масштаб, становясь частью мировой истории.

В *третьем параграфе* исследуются ономастические маркеры хронотопа повести «Дядюшкин сон», имеющей подзаголовки «Из мордасовских летописей» [II, 296]. Летопись, как и хроника, предполагает перечисление исторических событий, произошедших на определенной территории, в

хронологической последовательности и, соответственно, актуализирует представление о неразрывной связи времени и места.

Провинциальная инфернальность хронотопа задается названием повести: лексема *сон* вводит в текст мотив уничтожения границ между реальным и ирреальным, даёт возможность воплотиться тому, что до сна казалось невозможным и невоплотимым.

Мордасов – первый провинциальный город в творчестве Ф.М. Достоевского, выступающий под вымышленным топонимом, ономастическим импульсом создания которого стали реальный гидроним *Мардас* (река, протекавшая в Костромской губернии, в одном из поместий которой, в Мардасовской стороне мог с матерью гостить Ф.М. Достоевский), и вымышленный *Мордасы* (название села *Мордасы* из повести В.А. Соллогуба «Тарантас»). Тем не менее, полагаем, что название города мотивировано лексемой *мордасы* – мн. число от ‘морда, рыло, рожа, сысалы’²¹. Фразеологизм *съездить по мордасам* нередко приобретал форму, где лексема *мордасы* переходила в разряд топонимов: *съездить Харьковской губернии в город Мордасы*²². В сборнике М.И. Михельсона «Русская мысль и речь» содержится подобный эвфемизм: «Съездить кого в Харьковскую губернию, Зубцовского уезда, в город Рыльск, в Рождественский приход (Мордасовка тож), т.е. в харю, в зубы, в рыло, в рожу, в морду» [Михельсон-2, с. 351]. В романе «Униженные и оскорблённые» встречается фраза, подтверждающая тот факт, что Ф.М. Достоевскому был известен указанный фразеологизм: «взаимное битъё друг друга по мордасам» [III, 424].

Уже в повести «Дядюшкин сон» возникает характерный для творчества Ф.М. Достоевского хронотоп перекрёстка – выбора жизненного пути. На повороте в Светозерскую пустынь переворачивается карета князя К.: «полетел с каретой чуть не в овраг» [II, с. 306]. Как видим, на перекрёстке пространство представлено не только горизонтальными разнонаправленными векторами, но и вертикальными, то есть становится трёхмерным, обретает глубину, превращаясь в бездну, стремящуюся поглотить князя К., что представляется закономерным при системном подходе к ономастикону повести «Дядюшкин сон»: князь К. останавливается на ночлег на станции Игишево, называемой Мозгляковым «последней станцией» [II, 305]. Несомненно, что топоним *Игишево*, используемый для обозначения последней станции не только для Мозглякова, но и для князя К., по замыслу автора, должен был подсказать

²¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 2. М.: Терра, 1995. С. 346.

²² Там же.

читателю дальнейший ход событий, ведь *игши* – это лошадь с норомом²³, в связи с чем становится понятным опрокидывание кареты на перекрестке. Значимыми для понимания хронотопа повести являются также топонимы *Духаново*, *Светозерская пустынь*, расширяющие хронотоп до вселенского.

В *четвертом параграфе* рассматривается специфика именования юродивых. Для ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского характерно использование имени *Лизавета* для обозначения юродивых, что обусловлено усвоением стереотипа карамзинской бедной Лизы и пушкинской Лизаветы из «Пиковой дамы» (ср.: о сестре старухи-процентщицы, которую Раскольников относит к юродивым, он восклицает: «Бедная Лизавета!» [VI, 212]). Ономастические единицы, используемые Ф.М. Достоевским для обозначения юродивых, феномен которых является маркером определенной эпохи, выступают, с одной стороны, средством освоения исторического хронотопа (например, посредством замены реального имени вымышленным в романе «Бесы»: *Семен Яковлевич* вместо *Иван Яковлевич*, или апеллятивизации: «влияния различных иван-яковличей и тому подобных мудрецов и прорицателей» [III, 8]), с другой, – участвуют в создании художественного хронотопа.

В *пятом параграфе* представлены ономастические координаты старорусского и петербургского текстов Ф.М. Достоевского. Для петербургского текста характерны «каменные» имена (Петр Александрович Миусов, Петр Петрович Лужин, Порфирий Петрович и т.д.), введение с целью создания эффекта достоверности реальных топонимов и антропонимов, использование криптонимов при создании микропонимов (*С-ий переулок*, *-ский проспект Т-в мост*, *-ой проспект*, *В-й проспект*, *К-н мост*).

Знаковое пространство провинциального текста Ф.М. Достоевского образовано отдельными реалиями, именами героев, макро- и микропонимами. Топоним *Скотопригоньевск* как сжатый, свернутый текст актуализирует у читателя образ небольшого грязного провинциального городка, что обусловлено развертыванием топонима в предложение «*город, куда пригоняют скот*». Топоним *Скотопригоньевск* можно рассматривать как хронотоп: мастерски придуманное Ф.М. Достоевским название стало обозначением не только пространства, но и времени. Вторая часть названия города восходит к глаголу несовершенного вида *пригонять*, который указывает на незавершенность действия: скот пригоняли в город как в прошлом, так и продолжают пригонять в настоящее время.

²³ Гумбатов Г. Историческая прародина тюрков. От Арана до Алтая [электронный ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2013/01/16/1085> (дата обращения – 15.12.2018).

Скотоподобие – это особенность не только обитателей Скотопригоньевска. Ф.М. Достоевский для изображения всеобщности процесса уподобления человека животному использует прием развертывания одного пространства внутри другого, причем пространство внутреннее номинально шире, чем внешнее. Таким своеобразным пространством в романе становится трактир «*Столичный город*», который вводит в провинциальный текст хронотоп каменного города и, следовательно, изменяет масштаб происходящих событий.

В пятой главе «**Автобиографизм ономастики Ф.М. Достоевского**» рассматривается понятие автобиографизм применительно к ономастическим единицам, которые представляются нам ключевыми элементами автобиографических событий, кодирующими информацию в силу своей хронотопичности: имя собственное позволяет соотнести время и место произошедшего в жизни каждого индивидуума.

В *первом параграфе* устанавливается, что любой факт биографии, даже незначительный, но отмеченный в сознании автора, является ономастическим импульсом при создании художественного текста. Ф.М. Достоевский в «*Петербуржской летописи*» отмечает, «что жить значит сделать художественное произведение из самого себя» [XVIII, 13]. Автобиографизм, расширяя границы человеческой памяти, позволяет развернуть пространство художественного текста до безграничности.

Во *втором параграфе* представлено отношение Ф.М. Достоевского к именам собственным в жизни и творчестве. Для писателя выбор имени при рождении – это акт творения новой истории, поэтому имя обязательно должно отражать непрерывную связь поколений. Ф.М. Достоевскому была важна идея преемственности поколений, идея единства рода, реализуемые посредством повторяемости имен в семье: сам писатель был назван в честь деда по материнской линии – Федора Тимофеевича Нечаева, старший брат носит имя отца – Михаила Андреевича Достоевского, а младший – имя деда по отцовской линии – Андрея Григорьевича Достоевского. Старший сын Федора Михайловича и Анны Григорьевны Достоевских в соответствии с семейной традицией назван в честь отца Федором.

Значимость ономастической лексики в творчестве Ф.М. Достоевского подтверждается текстами его романов, на страницах которых герои размышляют о значении своих имен и фамилий. Лакею Видоплясову необходимо свою «неосновательную» фамилию переменить на более подходящую: Олеандров, Тюльпанов, Григорий Верный, Уланов, Танцев, Эссбукетов [III, 102-103].

Ф.М. Достоевский – мастер каламбура, хотя в статье так и названной «Каламбуры в жизни и литературе» замечает: «Терпеть я не могу каламбуров, а они, как нарочно, теперь, когда бы надо говорить яснее, так и лезут» [XX, 137]. Ономастические каламбуры обыгрывают семантику имен собственных: «Голядкин взглянул на кровать Петрушки; но в комнате даже не пахло Петрушкой» [I, 243]; «Действительно, какая-то примазанная писарская фигурка заглянула к нему за печку; фигурка, впрочем, была не Остафьева, а другого писаря, Писаренки по прозванию» [I, 192] и т.д.

Примеры рассуждений Ф.М. Достоевского, сохранившиеся в его черновиках и в мемуарных записях его современников, обыгрывание имен и фамилий в речи персонажей, в результате чего раскрывается семантика имени, многочисленные каламбуры, включающие имена собственные, – все это говорит об особом отношении Ф.М. Достоевского к имени в широком смысле этого слова.

В *третьем параграфе* рассматривается автобиографизм антропонимического и топонимического пространства художественных текстов Ф.М. Достоевского.

Фамилию *Мармеладов* стоит рассматривать как отражение жизненных пристрастий Ф.М. Достоевского: великий писатель был сладкоежкой, о чем сохранились воспоминания как жены, так и его современников, например, Вс. Соловьева: «Постойте, голубчик! – часто говорил он, останавливаясь среди разговора. Он подходил к своему маленькому шкафику, отворял его и вынимал различные сласти: жестянку с королевским черносливом, свежую пастилу, изюм, виноград. Он ставил все это на стол и усиленно приглашал хорошенько заняться этими вещами. Он был большой лакомка...»²⁴.

Фамилия главного героя повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка» *Ордын* легко объяснима в свете биографии писателя, часто бывавшего в детстве у своей тетки А.Ф. Куманиной в доме на Большой Ордынке.

В *четвертом параграфе* выявляются автобиографические и историко-культурные предпосылки именованья врачей-иностранцев. Размышления о предназначении врача продиктованы биографией Ф.М. Достоевского: в области медицины работал не только отец писателя – М.А. Достоевский, но и его двоюродный дед – В.М.Котельницкий. Именник врачей в художественных текстах Ф.М.Достоевского не только социально обусловлен, но и исторически и национально детерминирован: писатель создает антропонимы по традиционным моделям, типичным для того или иного языка, но, при этом, использует легко раскрываемую этимологию, в связи с чем многие

²⁴ Соловьев А. О фамилиях у Достоевского и о фамилии Достоевского // Россия и славянство, Париж, 1932, 13.03, вып.168. С. 208.

иностранные фамилии можно отнести к числу «говорящих» и комических, способствующих созданию образа малокомпетентного и странноватого лекаря. Имена иностранцев выступают индикаторами исторического хронотопа: обилие иностранных антропонимов в художественных текстах является яркой характеристикой изображаемой писателем эпохи, когда врачебную практику вели специалисты, приехавшие из других стран.

В *пятом параграфе* «Пушкин в восприятии Ф.М. Достоевского» отмечается, что для Ф.М. Достоевского Пушкин – олицетворение настоящего русского человека. Персонажи Ф.М. Достоевского проверяются именем Пушкина: если мы видим презрительное отношение героя к великому поэту, значит, он не входит в число тех персонажей, которые выражают авторскую точку зрения, значит, к этому действующему лицу нужно повнимательнее присмотреться, чтобы выяснить, состоялся ли он как настоящий человек.

В **Заключении** подводится итог исследованию.

Ономастический массив в творчестве Ф.М. Достоевского представлен всеми типами онимов, однако доминантными и формирующими образность все же являются антропонимы, что обусловлено антропоцентризмом творчества писателя. В своих мемуарах о Ф.М. Достоевском А.Е. Врангель записывает: «Онъ весь былъ поглотенъ изученіемъ челоуѣка, со всѣми его достоинствами, слабостями и страстями. Все остальное было для него второстепеннымъ. Онъ съ искусствомъ великаго анатома отмѣчалъ малѣйшіе изгибы души челоуѣческой...»²⁵.

Последовательное с хронологической точки зрения изучение именника произведений Ф.М. Достоевского позволяет проследить становление его ономастической лаборатории.

Антропонимы в художественных текстах Ф.М. Достоевского полифункциональны: идентифицируют героя, свидетельствуют о его сущности, встраиваясь в нарративную структуру, играют текстообразующую и сюжетообразующую роль. Черновики писателя констатируют, что для ономастической лаборатории писателя характерен некий промежуточный этап, когда роль антропонима играют апеллятивы, которым присуща сигнификативность: они имеют предметное значение, но в то же время являются обозначением персонажа. Данные апеллятивы Ф.М. Достоевский пишет с заглавной буквы и использует до тех пор, пока часть его произведения не планируется в печать. В результате антропонимы, заменяющие данные апеллятивные наименования, в итоговом тексте мотивированы какой-либо

²⁵ Врангель А. Е. Воспоминания о Ф.М.Достоевском в Сибири 1854-1856 гг. СПб, 1912. С. 91.

особенностью персонажа, отражают его деятельность, активно включаются в семантическую ткань произведения.

Несмотря на то что ономастические приемы в художественных текстах Ф.М. Достоевского носят системный характер, каждое имя собственное требует индивидуального подхода, что обусловлено особенностями творческого процесса: несомненно, что как представитель образованного дворянства XIX века, писатель был знаком с толкованием имен, однако, на наш взгляд, не всегда это играет первостепенную роль для осознания выбора Ф.М. Достоевского, так как мотивация онимов не исчерпывается их этимологией. Для правильной интерпретации имени собственного в художественном тексте необходимо учитывать особенности авторской ономастической лаборатории, существующую литературную традицию, поэтические законы времени создания произведения. Немаловажную роль в произведениях Ф.М. Достоевского играет вторичная этимологизация имени, а также использование так называемой народной этимологии.

В художественном тексте Ф.М. Достоевского ономастические единицы претерпевают семантические приращения за счет их включения в исторический и общекультурный контекст. Фамилия героя романа «Подросток» – *Долгорукий* – воспринимается не только персонажами, но и читателями произведения как насмешка над далеко не княжеским происхождением, в результате чего Аркадий вынужден считать себя человеком без фамилии.

Некоторые антропонимы переносятся Ф.М. Достоевским из текста в текст и используются для обозначения персонажей, имеющих общие черты, за счет чего создается ономастический миф. К подобным «мифологизированным» антропонимам в творчестве Ф.М. Достоевского можно отнести женское имя *Лиза* в разных вариантах (Лизавета, Елизавета и др.), восходящее к пушкинской Лизавете из «Пиковой дамы», имена *Мария* (Мари, Марья), *Софья* (София, Соня), *Петр*, *Семен* и др.

Показательным для исследователя ономастического пространства художественного текста является использование зашифрованных антропонимов: князь К. («Дядюшкин сон»), Б-кий, Г-ков (Г-в), Ж-кий («Записки из Мертвого дома»), барон Р. («Подросток») и др. Подобные антропонимы выполняют разные функции: привлечение внимания читателей, предложение поразмыслить, какое имя скрывается за инициалами, создание эффекта достоверности описываемых событий и т.д. Большое количество зашифрованных антропонимов в «Записках из Мертвого дома» – одно из свидетельств автобиографичности: за буквами скрываются реальные люди, арестанты Омского острога, с которыми писатель отбывал каторгу: Б-м – К.Бем, А-в – П. Аристов, Б-кий – И.Богуславский, Т-ский (Т-вский) – Ш.Токаржевский, М-цкий – А.Мирецкий и т.д.

Другим доминантным разрядом онимов в художественном мире Ф.М. Достоевского являются топонимы, в числе которых как вымышленные, так и реальные. Несомненно, что для более глубокого понимания произведения одинаково ценными являются как макро-, так и микро-топонимы, несмотря на то, что данные разряды по-разному реализуют свой семантический потенциал: названия стран и городов, существующих в действительности, включаются у читателя в определенный ассоциативный ряд, тогда как вымышленные топонимы, как правило, стилистически окрашенные, вследствие чего обладающие большой образностью и эмоциональностью, являются более информативными с точки зрения манифестации авторских интенций.

Топонимическое пространство неразрывно связано с антропонимическим, во многих случаях наблюдается взаимообусловленность топонимов и антропонимов, а также предопределенность выбора лексических средств создания единства нарратива: название имения Ставрогиных *Скворешники* поддерживается орнитоморфными фамилиями, а также лексемами *лететь*, *гнездо* и т.д., топоним *Скотопригоньевск* связан с зооморфными апеллятивными номинациями персонажей, а также с микро-топонимами, дублирующими семантику указанного названия (*Воловья станция*), в романе «Братья Карамазовы» в роковой день *Дмитрий* Карамазов избирает только ему одному предназначенный путь, ставший путем на Голгофу, – по *Дмитровской* улице: «он обежал большим крюком, чрез переулок, дом Федора Павловича, пробежал Дмитровскую улицу, перебежал потом мосточек и прямо попал в уединенный переулок на задах...» [XIV, 352].

Как и для антропонимов, Ф.М. Достоевский использует прием зашифровывания топонимов (*Т.*, *Т-в мост*, *-ой проспект*, *С-ий переулок* и т.д.), благодаря которому создается иллюзия достоверности происходящего.

Таким образом, применительно к творчеству Ф.М. Достоевского можно говорить об особом ономастическом коде, с помощью которого может быть представлена автором и выявлена читателем знаковая для художественного текста комбинация смыслов, переданная через авторские онимы. Одним из проявлений ономастического кода является мифопоэтическая доминантная оппозиция *верх-низ* (земля-небо), обуславливающая появление в художественных текстах орнитоморфных и зооморфных антропонимов, а также имен, мотивированных семантикой и символикой лексемы *камень*.

Имена собственные в художественном мире Ф.М. Достоевского являются способом выражения хронотопа. Предсказуема в данном случае роль топонимов как способов обозначения места. Временное значение легко приобретает топонимами (хрестоматийным, на наш взгляд, будет пример *Санкт-Петербург – Петербург – Питер*). Другим прогнозируемым типом ономастических единиц,

способных участвовать в выстраивании пространственно-временных отношений, являются имена собственные, относимые к культурно-историческому фону (Петр I, Наполеон и др.).

Но в художественных текстах Ф.М. Достоевского хромотопность свойственна антропонимам, например, фамилия *Ставрогин*, с одной стороны, участвует в создании в романе «Бесы» хромотоп перекрестка, с другой – расширяет границы романного хромотопа до библейского и вселенского. Упоминание Чертом ордена Льва и Солнца в романе «Братья Карамазовы» вводит в текст как хромотоп императорской России, так и христианский хромотоп, ведь Иисус Христос для верующих является Солнцем правды, а Лев – это символ Христа.

Ономастикон Ф.М. Достоевского глубоко автобиографичен, что позволяет говорить о специфике авторского хромотопа в художественных текстах писателя. В художественном наследии Ф.М. Достоевского автобиографичны не только антропонимы, но и топонимы: например, название *Чермашия*, упоминаемое в романе «Братья Карамазовы», носила одна из деревень родителей писателя, город *Мордасов* возник в повести «Дядюшкин сон» в связи с детскими воспоминаниями Ф.М. Достоевского о «Мардасовской стороне», где он мог гостить с матерью в имении своей крестной П.Т. Козловской. Особенностью творческой лаборатории писателя является использование не вымышленных, а некогда услышанных и оставшихся в памяти имен собственных. При этом реальные антропонимы чаще всего переносятся в текст без сохранения каких-либо особенностей прототипов.

Несомненно, что в числе основных особенностей творческой лаборатории Ф.М. Достоевского можно указать апеллятивно-онимное взаимодействие – имя собственное предопределяет использование других текстовых единиц с определенной семантикой: топонимом *Скворешники* обусловлен способ перемещения героев, выражаемым глаголом *лететь*, фамилия *Лембке* поддерживается адъективом *бараний*, топоним *Скотопригоньевск* программирует зооморфизм его обитателей и т.д.

Как видим, выявление специфики ономастикона Ф.М. Достоевского способствует целостному пониманию особенностей его художественного творчества. Если имя в произведении Ф.М. Достоевского кажется выбранным произвольно, это является показателем того, что мы не смогли проникнуть в его семантические глубины. Ономастическое пространство художественных текстов Ф.М. Достоевского не только ретроспективно как отражение реального ономастического пространства изображаемой эпохи, но и перспективно: ономастические единицы, вступая в ассоциативные связи, мифологизируясь, превращаясь в «текст в тексте», раздвигают границы пространства и времени,

что позволяет автору лаконично, но емко обозначить читателю проблемы вселенского масштаба (*Скотопригоньевск, Спасов, город Т.; Раскольников, Мышкин, Опискин*).

Ономастическая лаборатория Ф.М. Достоевского – это целостная система, понимание которой возможно благодаря распознаванию ономастического кода, который представляет собой комбинацию апеллятивно-онимных элементов, способных эксплицировать информацию о художественном образе, хронотопе, автобиографии и мифопоэтических константах.

Исследование ономастикона произведений разных периодов творчества Ф.М. Достоевского позволяет выявить принципы создания ономастического кода:

1) использование семантически маркированных антропонимов, созданных по традиционной русской модели (фамилия, имя, отчество), и ее вариантов в парадигме с диминутивными именованиями;

2) наличие автобиографического ономастического импульса, в качестве которого выступает оним, производный от корня апеллятива с богатым семантическим потенциалом;

3) использование антропонимов, отражающих противоречивость, двойственность художественного образа;

4) раскрытие семантики имен собственных в контексте произведения (в т.ч. в персонажной речи и каламбурах), а также в паремическом контексте;

5) обращение к народной этимологии онимов;

6) апеллятивно-онимное взаимодействие;

7) взаимообусловленность топонимов и антропонимов;

8) использование зооморфных и орнитоморфных онимов;

9) мифопоэтическая обусловленность ономастических единиц;

10) способность онима выступать средством создания хронотопа.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора

Научные статьи в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторской диссертации

1. Скуридина С.А. «Ты что за птица?»: о специфике некоторых фамилий «великого пятикнижия» Ф.М. Достоевского // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-лингвистические исследования». – Воронеж: Воронежский ГАСУ, 2015. – №1 (25). – С. 149-162.

2. Скуридина С.А. *Мать-сыра земля* как мифопоэтическая константа творчества Достоевского // Вестник славянских культур. – 2016. – Т. 42. – № 4. – С. 143-150.
3. Скуридина С.А. Именование хроникера в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Русская речь. – 2017. – № 2. – С. 10-13.
4. Скуридина С.А. В ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского // Русская речь. – 2017. – № 6. – С. 81-85.
5. Скуридина С.А. Антропоним *Раскольников* в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Литература в школе. – 2017. – № 12. – С. 8-9.
6. Скуридина С.А. Орнитоморфная символика топонима *Скворешники* в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 1. – С. 63-65.
7. Скуридина С.А. *Небо* как мифопоэтическая константа творчества Ф.М. Достоевского: ономастический аспект // Вестник славянских культур. – 2017. – Т. 46. – № 4. – С. 177-184.
8. Скуридина С.А., Вязовская В.В. Именование юродивых в произведениях Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова // Русская речь. – 2018. – № 2. – С. 73-83.
9. Скуридина С.А. Антропоним *Фома Фомич Отискин* как средство создания образа героя в повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2018. – № 2 (19). – С. 85-89.
10. Скуридина С.А. Вымышленные топонимы у Ф.М. Достоевского // Русская речь. – 2018. – № 3. – С. 92-101.
11. Скуридина С.А. Имя в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2018. – Т. 4. – № 3. – С. 65-70.
12. Скуридина С.А. Об ономастических предпочтениях в «Бедных людях» Ф.М. Достоевского // Русская речь. – 2018. – № 5. – С. 84-90.
13. Скуридина С.А. У истоков литературной ономастики // Неофилология. – 2019. – Т. 5, № 17. – С. 54-61.
14. Скуридина С.А. Врачи-иностранцы в произведениях Ф.М. Достоевского: ономастический аспект // Неофилология. – 2019. – Т. 5. – № 17. – С. 54-61.
15. Скуридина С.А. Антропонимикон повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 5 (182). – С. 76-81.
16. Скуридина С.А. Из Мордасова в Духаново и обратно: топонимическое пространство повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 3. – С. 171-179.
17. Скуридина С.А. К вопросу об автобиографизме антропонимов в художественных текстах Ф.М. Достоевского // Славянский альманах. – 2019. – Вып. 3-4. – С. 415-426

18. Скуридина С.А. Специфика терминологии литературной ономастики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – № 1 (32). – С. 105-118.

Монографии

19. Коротких (Скуридина) С.А. Ономастика романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 199 с.

Рецензия: Карпенко Ю.О. Коротких С.А. Ономастика романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» / Ю.О.Карпенко // Записки з ономастики. – Вип. 8: Зб. наук. праць / Відп. ред. Ю.О.Карпенко. – Одеса: Астропринт, 2005. – С.126–129.

20. Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф.М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. – 304 с.

Рецензия: Плотников С.С. Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф. М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы») / С.С. Плотников // Вопросы ономастики. – 2009. – №7. С. 122-124.

Научные статьи в других отечественных и зарубежных изданиях

21. Коротких (Скуридина) С.А. Семейство «мазанных черным» (из антропонимии романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» // Сборник студенческих работ филологического факультета ВГУ. Вып. 3. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 16-39.

22. Коротких (Скуридина) С.А. Имя Зосима в ономастиконе романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» // Ономастика Поволжья: Тезисы докладов IX Международной конференции. Волгоград, 9-12 сентября 2002 г. / Отв.ред. В.И.Супрун. – Волгоград: Перемена, 2002. С. 82-84.

23. Коротких (Скуридина) С.А. Антропонимы детей в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» // Сборник студенческих работ филологического факультета ВГУ. Вып. 4. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – С. 36-42.

24. Коротких (Скуридина) С.А. Неотрешенность от жизни (имя Зосима в ономастиконе романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» // Эйхенбаумовские чтения: Материалы международной конференции, посвященной 70-летию Воронежского государственного педагогического университета. – Выпуск 4. – Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2003. – С.116-121.

25. Коротких (Скуридина) С.А. Именованье прислуги в доме Федора Павловича Карамазова // Сборник студенческих работ филологического

факультета ВГУ. Вып.5. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 58-62.

26. Коротких (Скуридина) С.А. Скотопригоньевск и его обитатели // Известия научно-координационного центра по профилю «филология» (ВГПУ-ВОИПКРО). – Выпуск II. – Воронеж: ВЭПИ, 2004. – С. 236-239.

27. Коротких (Скуридина) С.А. Биографизм ономастикона романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» // Эйхенбаумовские чтения-5: Материалы международной конференции по гуманитарным наукам. – Выпуск 5. Художественный текст: история, теория, поэтика. – Воронеж: ВГПУ, 2004. – С.113-119.

28. Коротких (Скуридина) С.А. Ономастика романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» (к биографичности имен второстепенных персонажей) // Материалы международного конгресса «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, 14-19 декабря 2004 г.). – М., 2004. – С. 28-30.

29. Коротких (Скуридина) С.А. Аспекты изучения ономастики Ф. М. Достоевского // Материалы по русско-славянскому языкознанию: межд. сб. науч. трудов. – Воронеж : Воронежский гос. унив-т. – 2007. – Вып. 28. – С. 366–373.

30. Коротких (Скуридина) С.А. Скотопригоньевск Достоевского: Старая Русса и Россия // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, 15-18 декабря 2006 г.). М., 2008. – С. 155-157.

31. Скуридина С.А. Провинциальный хронотоп в романе «Братья Карамазовы» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 9 (9). – С. 84-93.

32. Скуридина С.А. «Каменные» имена в творчестве Ф.М.Достоевского // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 15 (15). – С. 72-78.

33. Скуридина С.А. «Пространство каменного города в романе Ф.М.Достоевского «Подросток» // IV Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, 14 –18 декабря 2012 г.). – С. 440-442.

34. Скуридина С.А. Ветхозаветные и новозаветные онимы в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – Выпуск № 11. – 2014 г. – С. 6-11.

35. Скуридина С.А. Современные ономастические школы: от Воронежа до Иркутска // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2015. – №17. – С. 41-46.

36. Скуридина С.А. Орнитоморфизм ономастического пространства романа Ф.М. Достоевского «Бесы» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2015. – №18. – С. 171-176.

37. Скуридина С.А. «Птичьи» фамилии в романах Ф.М.Достоевского // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – 2016. – вып. 33. – С. 396-410.

38. Скуридина С.А. Отражение свадебной обрядности в некоторых антропонимах у Ф.М. Достоевского // Болгарская русистика. – 2016. – №2. – С. 61-70.

39. Скуридина С.А., Хрупин А.В. «Записки из Мёртвого дома» Ф.М.Достоевского: о специфике названия // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 2 (25). – С. 47-52.

40. Скуридина С.А. Ономастические координаты старорусского и петербургского текстов Ф.М.Достоевского // Притяжение Севера: язык, литература, социум: материалы I Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. – 2018. – С. 580-589.

41. Скуридина С.А. К вопросу об автобиографизме топонимического пространства в художественных текстах Ф.М.Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XXXIII Международных Старорусских чтений 2018 года. – Великий Новгород, 2019. – С. 137-143.

42. Скуридина С.А. К вопросу изучения ономастики Ф.М.Достоевского // V Международная научная конференции «Наука и мир в языковом пространстве» (Донецк, ДНР, ноябрь, 2019) // Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов V Международной (14 ноября 2019 г.). – Макеевка, 2019 – 344 с. : [Электронный ресурс]. <http://donnasa.org>. С. 112-125.

43. Скуридина С.А. Вымышленные топонимы как средство организации ономастического пространства в художественном творчестве Ф.М.Достоевского // Nōminum Spatio (В пространстве имен): Материалы V Международных ономастических чтений им. Е.С. Отина / Под. ред. В.М. Калинкина. – Вып. 5. – Донецк : Издание Фонда «Азбука», 2019 – С. 120–125.

44. Скуридина С. А. Ономастическое пространство художественных текстов Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XXXIV Международных Старорусских чтений 2019 года / отв. ред. С.Л.

Шараков / Новгородский музей-заповедник. – Великий Новгород, 2019. – С. 118-125.

45. Скуридина С.А. О некоторых приёмах ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Выпуск XII: сборник научных статей. – Новокузнецк: НФИ КемГУ; Красноярск : Sitall, 2020. – С. 170-177.

46. Скуридина С.А. Ономастические каламбуры Ф.М. Достоевского // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома, 9–10 сент. 2020 г. В 2 т. Т. 2. – Кострома: Костромской государственный университет, 2020. С. 282-288.

47. Скуридина С.А. Евангельский код ономастического пространства романа «Бесы» Ф.М.Достоевского // Евангельский текст в русской словесности: сборник тезисов докладов X Всероссийской научной конференции (с международным участием), 21–24 сентября 2020 г. / отв. ред. И.С. Андрианова. – Электрон. дан. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2020.